

УДК 165.0

DOI: 10.17223/1998863X/55/30

Н.А. Касавина

НАУЧНОЕ ПРИЗВАНИЕ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР¹

Предпринимается попытка осмысления научного призвания как экзистенциального выбора в связи с идеями И.Т. Касавина о призвании ученого. Показано, что призвание осознается как сопряжение случайных предпосылок личностного становления и действия ценностно-культурных оснований, ориентирующих человека на мужественное следование «предельным смыслам».

Ключевые слова: научное призвание, ученый, экзистенциальный выбор, экзистенциальный опыт, смысложизненные ценности.

Зачем ты живешь тою жизнью, что живешь?

Зачем ты делаешь все то, что ты делаешь?

Л.Н. Толстой

В размышлениях И.Т. Касавина научное призвание во многом предстает воплощением экзистенциального выбора. При этом автор констатирует сложность его понимания и исследования в таком ракурсе и интерпретирует призвание как доисторический, резидуальный феномен, пришедший к нам сквозь века, как жертва или ритуальный дар, связывающий ученого с древними магическими практиками сообщения с иным миром.

Смысл слова «призвание» указывает на сопряженность индивидуальных стремлений, потребностей, интересов человека и надындивидуальных ценностей, которые «призывают» его к особой миссии как предназначению. Ответ на этот призыв личность осуществляет экзистенциально, «всем существом своим», как сказал бы Лев Толстой, через смысложизненный вектор своей деятельности. Жизнь в соответствии с этим взглядом обладает ценностью не сама по себе, а как путь к особой конфигурации смыслов, как связь с предельными ценностями, с достижениями культурного поиска трансцендентных оснований бытия, а глубже – с древними практиками отношения к миру через область запредельного. В экзистенциальном выборе призвания действует «трансцендентный разум» – разум, занятый «последними» вопросами, «предельной заботой» (П. Тиллих). Это разум личности, совершающей прыжок в реальность этих вопросов, под знаменем которых осуществляется повседневность и конкретная научная практика.

Экзистенциальный выбор как сочетание рациональных (когнитивных) и внерациональных личностных факторов нельзя свести к интеллектуальной задаче или выбору занятия, к процессам оценки и взвешивания альтернатив. Это выбор личностью самой себя, предопределенный целостным опытом и конкретными решениями, мотивацией и личностными свойствами. Он фундируется сложным комплексом факторов: традицией, культурными образца-

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

ми, особенностями социализации и может быть прояснен субъектом в ходе самопонимания и саморефлексии. Опираясь на некоторые примеры такого самопонимания, попробуем определить черты научного призвания как экзистенциального выбора и опыта.

Ролло Мэй в своих воспоминаниях о Пауле Тиллихе, друге и учителе, делится рассуждениями о становлении его как мыслителя, излагая как свои собственные выводы, так и интерпретацию самого Тиллиха. Уникальность мышления П. Тиллиха и выбора им призвания раскрывается как «затронутость» культурой Европы особым «трагизмом жизни», пришедшим из тех глубин, «которых можно было достичь только благодаря этому трагическому ощущению» [1. С. 5]. Сам Тиллих рассматривал собственное духовное становление как процесс, протекающий там, где «каждый камень является свидетелем многовекового прошлого», вызывающего «ощущение истории как живой реальности, где прошлое в полной мере участвует в настоящем» [Там же. С. 15].

Р. Мэй, рассуждая также о своем духовном росте, определившем его путь в науке, к поворотным событиям относит восприятие культуры Греции. Для него как представителя американской культуры это было особым экзистенциальным переживанием значения человеческого разума и «неукротимого духа» древних греков. «Затронутость» ценностью или смыслом можно полагать как важнейший фактор и начальный этап формирования призвания при всей сложности конкретной истории становления ученого. Размышляя в терминах статьи И.Т. Касавина, призвание есть дар – дар веков, дар культуры, дар многих поколений и пройденного ими опыта. Это своеобразный пример толкования историзированного, ценностно и культурно укорененного абсолюта, который находится в центре мифа науки и истолкован в основном в секулярном духе.

Призвание как смысло-жизненная перспектива предельной заботы находится в сопряженности со смертью. Оно в некотором смысле есть ответ личности самой себе перед лицом смерти – вопроса всех вопросов. Символ смерти здесь обретает значение «лица», перед которым человек рождается в своих мыслях и опыте [2. С. 207].

Р. Мэй писал: «Я ощущал прямую связь между выдающимися деятелями древнегреческой культуры – Эсхилом, Софоклом, Фидием – и самим Паулем... Каждый сиял точно драгоценный камень, и свет порождало сознание того, что мы пришли на эту землю на краткий миг, чтобы изобрести машины, или обдумать и высказать мысль, или выкрикнуть слова своих стихов» [1. С. 25]. Смерть здесь имеет значение в сочетании с особой конфигурацией ценностей европейской культуры, сочетающей в себе как идею служения или поддержания гуманистических и романтических идеалов, так и идею самореализации в отведенное человеку время, в «граничности» его бытия. Так, для П. Тиллиха особое значение имело «ощущение бездны», в котором он распознавал положительный смысл. Своим мужеством, творчеством, самим существованием – человек противостоит бездне, хаосу и строит космос. «Ощущение бездны», при этом, «выводит за пределы ценностей», делает возможным полноту переживания таинственного присутствия и новой встречи с самим собой. [Там же. С. 111].

Любовь П. Тиллиха к бездне Р. Мэй интерпретирует как его потребность «жить на рубеже», в напряжении мысли и опыта, столкновении противостоящих сил, преодолении и поиске связи. Именно на такой границе или таком рубеже человек, по словам М. Мамардашвили, «завязывает историю актом» [2. С. 160], среди случайностей, в акте самоопределения. Что это за акт? Это, несомненно, «граничное переживание», посредством которого человек оказывается «перед невозможностью возможного или перед возможной невозможностью». Это ощущение неких границ, с которых человек смотрит на мир и в которых «завязывается» его история и продолжается история вообще [Там же. С. 161].

В «Беседах о мышлении» М. Мамардашвили акцентирует, что мышление возможно в граничности опыта, когда человек выброшен из мира и когда он действительно сознает свою конечность. Мысль рождается перед фактом конечности как осознания того, что время ограничено, пути, определившие опыт, уже состоялись, «завязались». Другое невозможно или другое есть «невозможная возможность» во времени, устремленном к смерти [Там же. С. 165]. Это открывает экзистенциальную трагедию призвания, которое также «завязывается» в граничности существования, в «неразрешенном сознании», несущем бремя страдания; «сознанием – которое на границе, потому что не уместается в мире, оно из него выталкивается, оно неуместно» [Там же. С. 163]. Собственную «неуместность» ученые в истории науки и культуры не раз испытывали и проносили через всю жизнь, нередко трагически заканчивая ее.

Ученый, осуществляя призвание, совершает «завязывающие акты», соединяя культурные предпосылки и случайности, прошлое и настоящее в творении настоящего и будущего. Толкование научного призвания П. Тиллихом выступает как пример действия культурно-исторических, ценностных предпосылок, сложившихся в рамках европейской культуры, где наука является образцом рациональности как наивысшей культурной ценности. В целом это толкование укладывается в предлагаемую И.Т. Касавиным историю философского и научного рационализма в европейской культуре, которая «придала мифу науки очевидность, достигшую кульминации в эпоху Просвещения».

Обратимся еще к одному примеру «распутывания» призвания и завязывающих его актов – автобиографическому очерку Г. Марселя, который принял ту самую трудную «рациональную артикуляцию морально-эпистемических интуиций», о которой пишет И.Т. Касавин. Сложность человеческого и профессионального самоопределения в мире предстает здесь «странным симбиозом морального сознания и смерти, вызывающим чувство опустошенности и непобедимого отчаяния» [3. С. 270].

Г. Марсель пытался определить «зачастую почти недоступные формулировке диспозиции» собственных поисков призвания, и в этом определении преобладает не «затронутость» ценностью, а случайность. Он представил интуиции тех границ, в которых «завязывались» его жизненная история и путь в философии и науке. Так, свою склонность к идеализму Г. Марсель трактовал следующим образом: «Когда я обращаюсь к своему детству, в котором был столь опекаем и которое в определенных отношениях было столь ограниченным и замкнутым, когда я вспоминаю эту атмосферу моральных тонкостей и гигиенических предписаний, мне представляется, что я самым простым обра-

зом объясняю, почему дух абстракции пропитывал сам климат, в котором зарождалась моя философская мысль, почему изначально я спонтанно принял враждебную, даже почти презрительную установку по отношению к эмпиризму. И мне хочется спросить себя, а не было ли это своеобразным преломлением того ужаса перед микробами и всяческой грязью, который был мне внушен с самого нежного возраста?.. Зато в мире Идей я мог устроить себе своего рода оплот или приют, где я был у себя дома...» [3. С. 262].

Развитие своих драматургических способностей Г. Марсель объяснял отсутствием братьев и сестер, одиночеством в детстве. Диалоги между персонажами в воображаемых пьесах заменяли мальчику это отсутствие. Кроме того, рефлексия человеческих отношений, осознание их «неразрешимостей» (непреодолимого различия взглядов и темпераментов) была основанием последующего утверждения гармонии, справедливости, истины как противовеса. Драматургическое творчество представало как выход из лабиринта абстрактной мысли и одиночества.

Истоки религиозности также понимаются им в контексте психологической и духовной атмосферы собственного развития. Она включает гипертрофированную опеку, которая вызвала глубокий протест по отношению к близким и системе ценностей, ощущение опустошенности мира под влиянием смерти матери и последующих семейных отношений. «Вглядываясь сегодня в эти трудные годы, предшествовавшие моей философской инициации, я ясно вижу, что непрерывная тревога, сопровождавшая мою школьную жизнь, соединялась с уклонявшимся от формулировки чувством безвозвратности и смерти... Шведский пейзаж, с которым я познакомился на девятом году жизни... изобиловавший скалами, деревьями и водами, преследовавший меня томительной ностальгией, стал символом того мира страданий, который я носил в себе...» [Там же. С. 269–270]. В этой тревоге и в последующих переживаниях, связанных с Первой мировой войной, он усматривал истоки собственного экзистенциального мировоззрения.

Приведенные интерпретации становления научного и философского призвания отражают его сложный, амбивалентный характер: оно актуализируется на стыке влияния культуры и уникального экзистенциального опыта. В этом смысле надежная основа научного призвания действительно неразличима, не вписывается в синхронный порядок каких-либо отношений, как показывает И.Т. Касавин. Она выходит за их пределы. Является ли призвание при этом формой доисторического явления, первичного исторического события, сказать трудно. Но то, что оно может быть понято как жертва и дар, сомнения не вызывает, как и то, что оно требует мужества, как и каждое дело, глубоко затрагивающее человека. Призвание, мужественно обретаемое в цепи случайностей, на границе возможного и невозможного, – поистине дар (дар ученому и дар ученого). Мужество как неустранимый элемент человеческого развития, в том числе и профессионального, как добродетель, которая не находится в ряду других, имеет основополагающее значение как «самоутверждение бытия вопреки угрозам небытия» (П. Тиллих), как труд «оставаться в долготе человеческого существа» (М. Мамардашвили) [2. С. 192]. Призвание не является даром свыше, а обретается в мужестве труда, мужестве конфронтации и напряжения, мужестве понимания, что нет никаких автоматических гарантий и что нужно идти навстречу своим еще полностью не

актуализированным возможностям для утверждения науки как общественного блага.

Призвание как экзистенциальный феномен включает элемент рефлексивного самоопределения, являясь реконструкцией истории жизни, личностного и научного становления, рационализацией глубинных эмоциональных, ценностных, культурных предпосылок индивидуального развития и его связи с представлениями о научном этосе.

Призвание есть элемент культурной памяти и нематериального наследия, который связывает современность с предшествующими эпохами и их достижениями. Метафизический смысл призвания, который в истории культуры фундаментализирован трансцендентной перспективой бытия, возрождается на секулярной почве в форме гуманистических оснований культуры и существования человека. Во многом ему противостоит процесс все большего слияния науки и технического прогресса, науки и бизнеса, науки и власти, что было осмыслено в специальной дискуссии [4–9].

Дискурс о предназначении личности является воспоминанием об утраченном трансцендентном основании культуры и вместе с тем продолжением его влияния на современный мир. Человек как субъект призвания во многом сохраняет значение посредника двух миров, жреца, который не должен упустить своего предназначения и должен «родить из него то, что должно... в нем родиться; иначе это уйдет в небытие и никем другим не будет компенсировано...» [2. С. 205].

Призвание как экзистенциальный опыт «приходит издалека», как приходят чувства в известной строке П. Валери, которые человек открывает для себя в жизни как истории. В этом открывании и «распутывании» сплетены переживание и понимание: чтобы понять, надо пережить, и наоборот, чтобы пережить, необходимо понять и пережить в еще большей глубине. Ученый, идущий по пути призвания, реконструирует его очертания и поистине преподносит дар: «распутывает» себя как результат длительной цепочки случайных и неслучайных событий, переживаний, решений, действий, определяет ключевые смыслы научной деятельности перед лицом «последних вопросов», адресует их обществу настоящего и будущего и ждет ответа, который может случиться...

Литература

1. Мэй Р. Пауль Тиллих. Воспоминания о дружбе. М. : ИОИ, 2013. 192 с.
2. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. М. : Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. 816 с.
3. Марсель Г. Взгляд в прошлое // Марсель Г. О смелости в метафизике : сб. ст. СПб. : Наука, 2013. С. 259–288.
4. Никифоров А.Л. Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 20–29.
5. Антоновский А.Ю. Мах, Пуанкаре и Вебер: в действительности все не так, как на самом деле // Эпистемология науки и философия. 2019. Т. 56, № 3. С. 30–35.
6. Касавина Н.А. О бремени техники и миссии ученого // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 36–39.
7. Масланов Е.В., Долматов А.В. Гражданская наука – наука как призвание // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 40–44.
8. Столярова О.Е. Можно ли говорить о грехопадении науки // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 45–50.

9. Тухватулина Л.А. О мнимом противоречии в научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 51–55.

Nadezda A. Kasavina, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation).

E-mail: kasavina.na@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 279–284.

DOI: 10.17223/1998863X/55/30

SCIENTIFIC VOCATION AS AN EXISTENTIAL CHOICE

Keywords: scientific vocation; scientist; existential choice; existential experience; life-purpose value.

The article attempts to understand scientific vocation as an existential choice in connection with Ilya Kasavin's work on the calling of the scientist. The article recognizes vocation as a combination of random preconditions of personal formation and the influence of value and cultural foundations orienting a person to the courageous adherence to "ultimate senses". Scientific vocation appears as a scientist's "unravelling" of the history of his/her life in the horizon of existential experience determining the main lines of self-development. The calling of the scientist is an element of cultural memory connecting modernity with the spiritual heritage of the past. "Disenchanted" ideals and values continue playing a key role in the formation of the scientific ethos on a secular basis. It is shown that rationalization of scientific vocation helps construing the motivation of scientific growth. Relevant illustrations refer to Gabriel Marcel's autobiographical essay and Rollo May's memoirs about Paul Tillich's spiritual formation.

References

1. May, R. (2013) *Paul' Tillich. Vospominaniya o druzhbe* [Paul Tillich: Reminiscences of a Friendship]. Translated from English by E. Semenova. Moscow: IOI.
2. Mamardashvili, M. (2015) *Besedy o myshlenii* [Conversations about thinking]. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili.
3. Marcel, G. (2013) *O smelosti v metafizike* [On Courage in Metaphysics]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka. pp. 259–288.
4. Nikiforov, A.L. (2019) The Transformation of Science in the XX Century: from the Search of Truth to the Enhancement of Technology. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science. 56(3)*. pp. 20–29. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956342
5. Antonovski, A.Yu. (2019) On Misinterpretation of Mach, Poincaré and Weber. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science. 56(3)*. pp. 30–35. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956343
6. Kasavina, N.A. (2019) On the Burden of Technology and the Mission of a Scientist. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science. 56(3)*. pp. 36–39. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956344
7. Maslanov, E.V. & Dolmatov, A.V. (2019) Civil Sciences – Science as a Vocation. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science. 56(3)*. pp. 40–44. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956345
8. Stolyarova, O.V. (2019) Can We Talk about the Fall of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science. 56(3)*. pp. 45–50. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956346
9. Tuhvatulina, L.A. (2019) On the Alleged Contradiction in Scientific Rationality. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science. 56(3)*. pp. 51–55. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956347